

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-2-245-254

УДК 821.16.1

Рецепция романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае — образ главного героя

С. Чжан

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматриваются особенности интерпретации образа главного героя романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» китайскими литературоведами и критиками. В частности, исследуются вопросы, связанные с представлением главного героя — Юрия Живаго — как сына Божьего (апостола Христа), «лишнего человека» или юродивого. Отмечается, что фигура Живаго воспринимается и оценивается неоднозначно, на что указывает наличие определенных разногласий в трактовке фигуры доктора Живаго китайскими исследователями. На основе проведенного анализа, утверждается, что ни одно из направлений, рассматриваемых исследователями, не стало исчерпывающим объяснением жизни и поведения героя, что говорит о сложности образа, его неоднозначности и многогранности.

Ключевые слова: образ главного героя; роман «Доктор Живаго»; Б. Пастернак; «лишний человек»; феномен юродства; китайская критика

Введение

Русская литература оказала на китайцев довольно значимое влияние, старшее поколение которых, по их собственному мнению, было воспитано на классических русских произведениях. Роман «Доктор Живаго», написанный Б.Л. Пастернаком, стал одним из произведений, оказавшихся близким китайскому народу по духу, но, как и в России, роман находился долгое время под запретом как литература антиреволюционного толка. Лишь после 80-х годов XX века произведение было разрешено к прочтению, и китайские читатели восприняли его как «... эпопею российской истории, как евангельскую притчу о духовности человечества, о любви, о жизни» [5. С. 235]. Если говорить об образе главного героя романа — Юрия Живаго, то в научной периодике Китая эта фигура воспринимается и оценивается неоднозначно: некоторые исследователи рассматривают его как «лишнего человека», другие как апостола Христа, третьи — как юродивого. Это свидетельствует о наличии определенных разногласий в интерпретации фигуры доктора Живаго в Китае.

Живаго как сын Божий

Рассмотрим один из подходов к интерпретации образа Юрия Живаго как духовного учителя народа — Иисуса Христа. В. Лэй указывает на то, что персона-

чально роман должен был называться «Мальчики и девочки» — строфа из стихотворения А. Блока о Вербной субботе. Автор считает, что эта строка не случайно стала названием романа, а должна была подчеркнуть его религиозную тематику. Следующим вероятным названием романа было «Смерти не будет», и в его ранней версии присутствовал эпиграф из Библии «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже». Тема смерти вообще неоднократно поднимается в романе Б. Пастернака, так же как и ее влияние на Юру, когда он был мальчиком и позже, когда стал взрослым. Последний вариант романа получил название «Доктор Живаго», но китайские исследователи делают акцент на корне «жив» и на связи с именем Христа — «Сын Бога Живаго». Также В. Лэй пишет, что в латинском языке слово «доктор» обозначает в том числе «учитель», что можно интерпретировать как «учитель жизни», каковым являлся Иисус для простого народа [5. С. 236]. В подтверждение автор приводит тот аргумент, что в романе не описано, как врач Юрий Живаго лечил кого-либо, применяя свои медицинские знания и умения. Сам главный герой говорит в романе так: «Черт знает что, я становлюсь каким-то шарлатаном. Заговариваю, лечу наложением рук», что интерпретируется через призму случая излечения Христом прокаженных.

Любой человек, не способный найти свое место в существующем порядке, стремится к свободе и жаждет ее, поневоле становясь «духовным бродягой». Отождествляя Юрия Живаго с Иисусом, известный китайский исследователь Х. Юньбо пишет о том, что Иисус, чтобы распространить новое спасительное учение, должен был столкнуться с трудностями, страдать от непонимания и в конечном итоге закончить свою жизнь мучительной смертью на кресте, разбудив тем самым спящую совесть грешных людей. Но воскрешение стало наградой и позволило ему обрести вечное бессмертие. Аналогичная история произошла с предками человечества, Адамом и Евой, когда в поисках свободы действий они нарушили закон и были изгнаны из рая, превратившись, по сути, в «духовных бомжей» [18. С. 47]. Мудрец и бродяга нашего времени — Живаго — неустанно стремится к вечности, поэтому жизнь сурова с ним и он постоянно находится в поиске. Юрий и Лара, по мнению автора, как Адам и Ева, были созданы в этом мире без всякого прикрытия, и теперь они голые и бездомные ожидают конца света. В Москве они временные люди, их судьба — скитаться. При этом Х. Юньбо приравнивает Живаго к Иисусу, мудрецу, бродяге и «лишнему человеку».

В буйстве революционного хаоса, при отсутствии порядка, достоинства и морали доктор Живаго переполнен чувством одиночества и горечью, но стремится к рациональности и душевной свободе — «как одинокий Иисус в земном мире». Но если для сына божьего воскрешение является и духовным, и физическим, то для Юрия оно заключается только в духовном аспекте. Для Живаго бессмертие состоит не в вечном существовании физического тела человека, а в памяти о нем. У Б. Пастернака память является ключом к бессмертию. Юрий Андреевич — человек твердых убеждений, основу которых составляет взгляд на человека как на высшую ценность жизни. Живаго не принимает законы этой схватки, обрекающей народ на несчастья и лишения. С этим связано определенное понимание героем своего долга, оказывающегося сильнее личных симпатий: доктор с одинаковой заботой выхаживает раненых партизан и Сережу Ранцевича, добровольца колча-

ковской армии, видя в них прежде всего страдающих людей. Находясь меж двух огней (красными и белыми), главный герой романа, аналогично Христу, одинаково относится ко всем, невзирая на социальный статус и происхождение, реализуя свою миссию — лечить всех. Ценностное мировоззрение Живаго заключается в непротивлении злу насилием.

По мнению другого исследователя Л. Шилина, Юрий Живаго символизирует собой дух страдания [16. С. 22]. Л. Минбинь рассматривает его как страдающего апостола и пророка [8. С. 322]. Л. Ядин отмечает, что мировоззрение Живаго тесно связано с христианством [19. С. 302]. Р. Гуансуань полагает, что Христос в романе «Доктор Живаго» является символом индивидуальности [4. С. 76]. К. Чэн утверждал, что Живаго, подобно сыну Божьему, сам становится воплощением смысла жизни, а его жизнь — это процесс жертвоприношения [15. С. 143]. Т. Минь отмечает, что мать Юрия (Марья Николаевна) может являться образом Божьей матери, защищающей свободу и равенство [9. С. 130]. Она аргументирует это тем, что восемь стихотворений последней главы составляют полную историю Христа, сопоставимую с жизненным путем Живаго, показывая их сходство. По мнению автора, через сюжет Библии и образ Иисуса Б. Пастернак передает читателям мысли и стремления Живаго к любви, обществу, жизни, смерти, свободе и т.д.

По мнению целого ряда китайских исследователей творчества Пастернака, в романе «Доктор Живаго» представлена картина конца света, спровоцированной революцией, и авторское понимание о страдании, смерти и воскрешении, навеянное Библией. Главный герой отождествляется с сыном Божьим, посланным на землю, чтобы путем жертв и страданий искупить грехи человеческие. Ценностные качества Юрия Живаго: высокоразвитая мораль, стремление к духовной свободе и любви, избегание насилия. Лишь духовное очищение через страдание, по его мнению, приводит к бессмертию при помощи сохранения памяти о человеке его потомками.

«Лишний человек»

Исследователи, относящиеся к этому роману нейтрально, ставили главного героя романа Б. Пастернака в ряд «лишних людей» русской литературы, к которым также относят Евгения Онегина, Евгения Базарова, Илью Ильича Обломова и др. Образ «лишнего человека» раскрывается не только в русской литературе. Он обозначает отсутствие гармонии между обществом и внутренним миром человека, живущего в этом обществе. Люди нередко слушают, но не слышат друг друга, поэтому не могут дружить, любить и взаимодействовать вследствие расхождения между мыслями и чувствами [3]. С. Цзюньчжи полагает, что Живаго олицетворяет собой грустного «лишнего человека» [12. С. 69]. Г. Цзянь считает, что Юрий Живаго является типичным представителем типа «лишних людей», характеризующихся определенными внешними и внутренними чертами [13. С. 38]. Х. Ганлян пишет, что изображенный в романе интеллеktуал, пытающийся сохранять свою независимость и придерживаться твердых убеждений, легко может стать «лишним человеком» в жизни, не совместимым с реальностью, обреченным на трагический жизненный путь [2. С. 79].

Юрий Живаго в Китае был признан современным вариантом «лишнего человека нового типа». Использование терминов «современный» и «новый тип» показывает, что китайские исследователи сделали попытку придать привычному дискурсу новую идею. Некоторые авторы полагали, что Живаго был слабой и посредственной личностью, второстепенным поэтом [14. С. 18], но он не был слабым и имел свой взгляд на историю, философию, искусство. Его душа не пуста, а мысли не тривиальны. Стремление к истине позволяет Живаго выбрать свой жизненный путь, сохранить духовную свободу, размышлять о смысле реальности, жизни и духа времени. Будучи дворянином и членом высшего света, Юрий не имел свойственных большинству своих современников вредных привычек. Во время войны он по зову совести стал военным врачом, продолжив свою миссию и тогда, когда началась революция. Только непосредственная опасность для близких заставила его покинуть Москву и укрыться в провинции, но и здесь он не предавался унынию, а нашел себе занятия. Попав в партизанский отряд и уйдя из него, Живаго не переставал жить активной жизнью, искать ее смысл, писать стихи, не поступившись при этом своей индивидуальностью и жизненными принципами, как поступили многие в те тяжелые времена. Жизнь Живаго не была легкой, но до ее конца он не шел на компромисс из-за неудач и никогда не поддавался чувству безнадежности. Это означает, что позиция Л. Чжицзи о слабости и посредственности героя является совершенно необоснованной.

Если же говорить о типе «современного лишнего человека», то стоит обратиться к точке зрения Ф. Южи и С. Синго. Данные исследователи отмечали, что Юрий Живаго не обладает чертами, присущими «лишним людям», которые образно можно выразить фразами «На словах — великан, на деле — карлик» и «Бесплодные цветы, не дающие семян». С «лишними людьми» его объединяет только отсутствие чувства принадлежности к жизни, личное одиночество, исследование собственной души и духовная эволюция [17. С. 41]. Исследователи, считающие Живаго «лишним человеком нового типа», отмечали, что он был совершенно чужим в новом сложившемся политическом коллективе. Когда революция началась, Юрий мечтал о светлом будущем и надеялся, что революция устранил отжившее старое и принесет с собой новую жизнь. Но послереволюционные реалии оказались неутешительны: от людей требовалось признать новые жизненные принципы и демонстрировать послушание и дисциплину, а взамен старой устоявшейся жизни пришли страдания, голод и смерть. На фоне послушного стадного большинства Живаго представляет меньшинство, способное мыслить, делать выводы и принимать решения самостоятельно, поэтому он уезжает подальше от происходящего. «Лишним человеком» его делает приверженность собственным убеждениям тогда, когда суровая действительность требует отказа от своих принципов.

В представлениях о «лишних людях» и «лишних людях нового типа» перемешались черты духовного облика «лишнего человека» и внутренняя природа Живаго. К типичным чертам «лишнего человека» относятся отчуждение дворянина от его родной среды, чувство интеллектуально-нравственного превосходства над ней, сочетающегося с душевной усталостью, выраженным скептицизмом, общественной пассивностью [7. С. 400]. Но доктор Живаго во всем происходящем остается верным себе, непоколебимым и достойно принимает тяжелые обстоятельства,

поскольку внутри он все так же свободен, как и ранее. Ему претит участие в военных действиях, это предательство собственных устоев, но он должен оказывать людям помощь и выполняет свою работу так, как может, стараясь не причинять вреда другим, независимо от того, белые они или красные. Живаго никогда не отказывается от брака и любви и сострадателен к жизни и смерти. Он недоволен действительностью, но не чувствует себя опустошенным. Его ясная философия жизни позволяет ему преодолевать страдания в трудной жизни, упорствовать в вере и оберегать конечный смысл, в отличие от настоящих «лишних людей».

Ч. Хун упомянул, что он умер, но его дух бессмертен, и образ Живаго стал символом свободы в душе, так что многие ученые в кругах китайской интеллигенции говорят о Живаго так же, как говорят о себе [10. С. 259]. Таким образом, интерпретация духовной родословной Живаго как «современного лишнего человека» и «лишнего человека нового типа» также оказалась в затруднительном положении. Х. Манзи писал о том, что не знает, как можно было сделать вывод, что Живаго — маленький, грустный «лишний человек» и пассивное существо. Да, Живаго не совершал великие дела, не служил чиновником, не стал видной фигурой того времени, у которой на один призыв отзывается сотня. Оценка «маленький человек», казалось бы, звучит убедительно. Он не нашел свое место и спокойно жил, не соответствуя требованиям современности. Он оказался одиноким в обществе, так что оценка «лишний человек» тоже имеет смысл [6. С. 19—20]. Но, исходя из исторического курса и перспективы развития человеческого духа, мы можем также назвать его большим человеком, необходимым человеком и человеком активного существования. Трагедия заключается в том, что он родился преждевременно, в эпоху низкого уровня мышления и нравственности человека. Это трагедия Живаго и трагедия писателя Пастернака.

Хотя ряд китайских исследователей стоят на позициях того, что Юрий Живаго был «лишним человеком» в своем времени и «новым лишним человеком», более глубокий и тщательный анализ, проведенный их коллегами, показал лишь частичную достоверность такой трактовки. С «лишними людьми» его роднит потерянности во времени и одиночество, но сила духа и верность принципам, активная жизненная позиция — это то, что не позволяет назвать его маленьким или «лишним человеком».

Живаго как юродивый

Некоторые современные китайские исследователи русского творчества относят Юрия Живаго к категории юродивых. Такое мнение сложилось, скорее всего, под влиянием труда американской исследовательницы Эвы М. Томпсон, рассматривающей образ главного героя в данном ключе. Она полагает, что жизнь Живаго в период скитаний может быть понята не иначе как через призму юродства [20. С. 229]. Автор в целом изучала феномен юродства в русской истории и литературе и сделала вывод, что типичного юродивого отличают следующие противопоставляемые черты: мудрость — глупость, чистота — грязь, типичный — отличающийся, кроткий — своевольный, почитаемый — презираемый.

Х. Вэй, поддерживающий идею Э. Томпсон о бинарной оппозиции юродства, полагает, что образ Живаго как апостола и представляет собой один полюс данной

оппозиции, ярко контрастирующий с ожидаемым поведением юродивого [1. С. 106]. Мудрость Живаго выглядит глупостью для большинства людей, окружающих его в новых социальных реалиях страны; высмеиваемый при жизни, после смерти он удостоился пышных похорон на уровне юродивых; отказ от отцовского наследства придает ему чистоту юродивого; внешняя «грязь» противопоставлена внутренней чистоте. Для юродивых типично бросаться из одних крайностей в другие, что свойственно типичному русскому характеру, в то время как китайцы не склонны к крайностям. Однако были исследователи, критикующие точку зрения Э. Томпсон. Так, В. Цзечжи считал мнение о юродивости Живаго односторонним и необъективным [11. С. 8—9], аргументируя это тем, что бродячий образ жизни был нормой для тех тяжелых военно-революционных времен. Он отрицает природу юродства, опираясь на общий фон творчества Б. Пастернака.

Таким образом, теория о юродстве Юрия Живаго так же, как и изложенные ранее, не стала исчерпывающим объяснением его жизни и поведения, что говорит о сложности образа героя Б. Пастернака, его неоднозначности и многогранности и о том, что исследователи подходят к анализу образа героя через призму собственной личности и ценностных представлений.

Заключение

Рассмотрев особенности интерпретации образа главного героя романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае, мы пришли к следующим выводам: во-первых, фигура Юрия Живаго воспринимается и оценивается китайскими литературоведами и критиками неоднозначно (герой рассматривается как сын Божий (апостол Христа), посланный на землю, чтобы путем жертв и страданий искупить грехи человеческие; как «лишний человек», одинокий и «потерявшийся» во времени, при этом имеющий невероятную силу духа и остающийся верным своим принципам; как юродивый, обладающий особой мудростью и внутренней чистотой); во-вторых, в интерпретации образа Юрия Живаго китайскими и русскими учеными обнаруживаются определенные схожие черты (в китайской литературной критике наблюдаются определенные совпадения с представлениями русских ученых об образе Живаго), что обусловлено особым исследовательским интересом у китайских ученых не только к роману Б. Пастернака, но и к советской (русской) критике; в-третьих, Б. Пастернак занял достойное место в культурном контексте Китая, однако сформировавшийся в сознании китайских литературных исследователей взгляд на образ главного героя романа все же в некоторых моментах отличается от принятой в русской традиции точки зрения, поскольку русская и китайская культуры в принципе не могут быть идентичными и имеют свои специфические черты (бросаться из одних крайностей в другие — характерно для русского характера, но не присуще китайскому и пр.), которые и формируют определенные способы восприятия образов героев и в целом литературных произведений.

© Чжан С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Вэй Х.* В поиске души доктора Живаго // *Общественные науки Цзянси*. 2005. № 6. С. 104–108. «日瓦戈医生精神谱系探源», 载于《江西社会科学》, 2005年第6期。
- [2] *Ганлян Х.* Спасание на кресте — сравнение китайской и русской интеллигенции в свете покаяния // *Вестник Чаншаского электроэнергетического университета*. 1998. № 1. С. 79–83. «十字架上的拯救——中国与俄罗斯知识分子忏悔意识比较», 载于《长沙电力学院学报》, 1998年第1期。
- [3] *Горицына Д.А.* Галерея лишних людей в русской литературе 19 века // Молодежный научный форум: гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXI Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2015. № 2 (20). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/2\(20\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/2(20).pdf) (дата обращения: 27.03.2019).
- [4] *Гуансуань Р.* Русская литература постмодернизма, новый подъем в религии и другие явления // *Зарубежная литература*. 1996. № 2. С. 75–79. «俄国后现代主义文学, 宗教新热潮及其他», 载于《国外文学》, 1996年第2期。
- [5] *Лэй В.* «Ты укажешь мне путь жизни...» (о романе Б. Пастернака «Доктор Живаго») // *Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И.В. Кондакова: сборн. стат. по итогам междунар. научно-практич. конфер.* М.: Академия социального управления, 2017. С. 235–242.
- [6] *Манзи Х., Ен Г.* Диалог о докторе Живаго // *Критика зарубежной литературы*. 1988. № 1. С. 17–23. «关于〈日瓦戈医生〉的对话», 载于《外国文学评论》, 1988年第1期。
- [7] *Манн Ю.В.* «Лишний человек» // *Краткая литературная энциклопедия* / под ред. А.А. Суркова. М.: Сов. энциклопедия, 1967. С. 400–402.
- [8] *Минбинь Л.* Русская неформальная литература двадцатого века. М.: Бэйюэ: литература и искусство, 1998. 506 с. «20世纪俄罗斯非主流文学», 太原: 北岳文艺出版社, 1998年。
- [9] *Минь Т.* Применение интертекстуальности религиозных прототипов в «Докторе Живаго» // *Критики мировой литературы*. 2009. № 1. С. 128–131. «〈日瓦戈医生〉中宗教原型的互文性应用», 载于《世界文学评论》, 2009年第1期。
- [10] *Хун Ч.* Поэтика звука. М.: Китайский университет народов, 2003. 267 с. «声音的诗学», 北京: 人民大学出版社, 2003年。
- [11] *Цзечжи В.* О неверном постижении Э.М. Томпсон «Доктора Живаго» // *Современная зарубежная литература*. 2012. № 1. С. 5–13. «关于日瓦戈医生的一种跨文化诠释——论艾娃·汤普逊对作品的误读», 载于《当代外国文学》, 2012年第1期。
- [12] *Цзюньчжи С.* Возращение. М.: Литература по обществознанию, 1989. 297 с. «回归», 北京: 社会科学文献出版社, 1989年。
- [13] *Цзянь Г.* Живаго: лишний человек в советской литературе // *Вестник Чэндуского педагогического университета*. 1999. № 10. С. 37–45. «日瓦戈: 苏联文学中的“多余人”», 载于《四川教育学院学报》, 1999年第10期。
- [14] *Чжицзи Л.* Первичная оценка «Доктора Живаго» в советском литературном мире // *Русско-советская литература*. 1989. № 1. С. 10–19. «苏联文学界初评日瓦戈医生», 载于《俄苏文学》, 1989年第1期。
- [15] *Чэн К.* Анализ образа Христа в русской литературе в первой половине двадцатого века // *Исследование зарубежной литературы*. 2000. № 4. С. 141–147. «对二十世纪前叶俄国文学中基督形象的解析», 载于《外国文学研究》, 2000年第4期。
- [16] *Шилин Л.* Жизнь: тяжелый символ // *Вестник Чжэнчжоуского университета*. 1990. № 4. С. 21–24. «生命: 沉重的象征», 载于《郑州大学学报》, 1990年第4期。
- [17] *Южи Ф., Синго С.* Сопоставление художественных произведений Пастернака и Шолохова // *Русская литература и искусство*. 2002. № 1. С. 39–45. «帕斯捷尔纳克与肖洛霍夫小说艺术比较», 载于《俄罗斯文艺》, 2002年第1期。
- [18] *Юньбо Х.* Христианская библия и доктор Живаго // *Русская литература и искусство*. 1999. № 3. С. 45–48. «基督教圣经与日瓦戈医生», 载于《俄罗斯文艺》, 1999年第3期。
- [19] *Ядин Л.* Думы о советской литературе. М.: Изд-во Сычуаньского университета, 1996. 302 с. «苏联文学沉思录», 四川: 四川大学出版社, 1996年。

[20] *Thompson E.M.* Understanding Russia: The Holy Fool in Russian Culture. Md., New York, London: University Press of America, 1987. 229 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 февраля 2019

Дата принятия к печати: 28 февраля 2019

Для цитирования:

Чжан С. Рецепция романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Китае — образ главного героя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 2. С. 245–254. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-245-254>

Сведения об авторе:

Чжан Сюминь, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: xiaominzhang1258@gmail.com

The reception of the novel by B. Pasternak “Doctor Zhivago” in China — the image of the protagonist

Xiaomin Zhang

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

The article discusses the features of the interpretation of the image of the protagonist of B. Pasternak's novel “Doctor Zhivago” by Chinese literary critics. In particular, issues related to the presentation of the main character — Yuri Zhivago — as the son of God (the apostle of Christ), an “extra person” or holy fool. It is noted that Zhivago's figure is perceived and evaluated ambiguously, as indicated by the presence of certain differences in the interpretation of Dr. Zhivago's figure by Chinese researchers. Based on the analysis, the author argues that none of the areas considered by the researchers was an exhaustive explanation of the hero's life and behavior, which indicates the complexity of the image, its ambiguity and versatility.

Keywords: image of the main character; novel “Doctor Zhivago”; B. Pasternak; “extra person”; phenomenon of “holy fool”; Chinese criticism

References

- [1] Vehj H. V poiske dushi Doktora Zhivago. *Obshchestvennye nauki Czyansi*. 2005. No. 6. Pp. 104–108. «日瓦戈医生精神谱系探源», 载于《江西社会科学》, 2005年第6期。
- [2] Ganlyan H. Spasanie na kreste — sravnenie kitajskoj i ruskoj intelligencii v svete pokayaniya. *Vestnik Chanshaskogo ehlektroehnergeticheskogo universiteta*. 1998. No. 1. Pp. 79–83. «十字架上的拯救——中国与俄罗斯知识分子忏悔意识比较», 载于《长沙电力学院学报》, 1998年第1期。

- [3] Goricyna D.A. Galereya lishnih lyudej v russoj literature 19 veka. *Molodezhnyj nauchnyj forum: gumanitarnye nauki: ehlekt. sb. st. po mat. XXI Mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf.* No. 2(20). [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/2\(20\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/2(20).pdf) (data obrashcheniya: 27.03.2019).
- [4] Guansuan' R. Russkaya literatura postmodernizma, novyj pod"yom v religii i drugie yavleniya. *Zarubezhnaya literatura*. 1996. No. 2. Pp. 75—79. «俄国后现代主义文学, 宗教新热潮及其他», 载于《国外文学》, 1996年第2期。
- [5] Lehj V. "Ty ukazhesh' mne put' zhizni..." (o romane B. Pasternaka "Doktor Zhivago"). *Literatura v sisteme kul'tury. K semidesyatiletiyu professora I.V. Kondakova: sborn. stat. po itogam mezhdunar. nauchno-praktich. konfer.* Moscow: Akademiya social'nogo upravleniya, 2017. Pp. 235—242.
- [6] Manzi H., En G. Dialog o doktore Zhivago. *Kritika zarubezhnoj literatury*. 1988. No. 1. Pp. 17—23. «关于<日瓦戈医生>的对话», 载于《外国文学评论》, 1988年第1期。
- [7] Mann Yu.V. "Lishnij chelovek". *Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya*. Moscow: Sov. ehnciklopediya, 1967. Pp. 400—402.
- [8] Minbin' L. *Russkaya neformal'naya literatura dvadcatogo veka*. Moscow: Behjyueh: literatura i iskusstvo, 1998. 506 p. «20世纪俄罗斯非主流文学», 太原: 北岳文艺出版社, 1998年。
- [9] Min' T. Primenenie intertekstual'nosti religioznyh prototipov v "Doktore Zhivago". *Kritiki mirovoj literatury*. 2009. No. 1. Pp. 128—131. «<日瓦戈医生>中宗教原型的互文性应用», 载于《世界文学评论》, 2009年第1期。
- [10] Hun Ch. *Poetika zvuka*. Moscow: Kitajskij universitet narodov, 2003. 267 p. «声音的诗学», 北京: 中国人民大学出版社, 2003年。
- [11] Czechzhi V. O nevernom postizhenii E.M. Tompson "Doktora Zhivago". *Sovremennaya zarubezhnaya literatura*. 2012. No. 1. Pp. 5—13. «关于日瓦戈医生的一种跨文化诠释——论艾娃·汤普逊对作品的误读», 载于《当代外国文学》, 2012年第1期。
- [12] Czyun'chzhi S. *Vozrashchenie*. Moscow: Literatura po obshchestvoznaniyu, 1989. 297 p. «回归», 北京: 社会科学文献出版社, 1989年。
- [13] Czyan' G. Zhivago: lishnij chelovek v sovetskoj literature. *Vestnik Chehnduskogo pedagogicheskogo universiteta*. 1999. No. 10. Pp. 37—45. «日瓦戈: 苏联文学中的“多余人”», 载于《四川教育学院学报》, 1999年第10期。
- [14] Chzhiczi L. Pervichnaya ocenka "Doktora Zhivago" v sovetskom literaturnom mire. *Russko-sovetskaya literatura*. 1989. No. 1. Pp. 10—19. «苏联文学界初评日瓦戈医生», 载于《俄苏文学》, 1989年第1期。
- [15] Chehn K. Analiz obraza Hrista v russoj literature v pervoj polovine dvadcatogo veka. *Issledovanie zarubezhnoj literatury*. 2000. No. 4. Pp. 141—147. «对二十世纪前叶俄国文学中基督形象的解析», 载于《外国文学研究》, 2000年第4期。
- [16] Shilin L. Zhizn': tyazhelyj simvol. *Vestnik Chzhhehnhzhouskogo universiteta*. 1990. No. 4. Pp. 21—24. «生命: 沉重的象征», 载于《郑州大学学报》, 1990年第4期。
- [17] Yuzhi F., Singo S. Sopostavlenie hudozhestvennykh proizvedenii Pasternaka i Sholohova. *Russkaya literatura i iskusstvo*. 2002. No. 1. Pp. 39—45. «帕斯捷尔纳克与肖洛霍夫小说艺术比较», 载于《俄罗斯文艺》, 2002年第1期。
- [18] Yun'bo H. Hristianskaya bibliya i Doktor Zhivago. *Russkaya literatura i iskusstvo*. 1999. No. 3. Pp. 45—48. «基督教圣经与日瓦戈医生», 载于《俄罗斯文艺》, 1999年第3期。
- [19] Yadin L. *Dumy o sovetskoj literature*. Moscow: Izdatel'stvo Sychuan'skogo universiteta, 1996. 302 p. «苏联文学沉思录», 四川: 四川大学出版社, 1996年。
- [20] Thompson E.M. *Understanding Russia: The Holy Fool in Russian Culture*. Md., New York, London: University Press of America, 1987. 229 p.

Article history:

Received: 10 February 2019

Revised: 21 February 2019

Accepted: 28 February 2019

For citation:

Zhang X. (2019). The reception of the novel by B. Pasternak “Doctor Zhivago” in China — the image of the protagonist. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(2), 245–254. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-245-254>

Bio note:

Xiaomin Zhang, PhD student, Faculty of Philology, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). *Contacts:* e-mail: xiaominzhang1258@gmail.com